

Перейти мост

Тихим ходом по летней столице,
никуда не пытаясь успеть,
за болящих зайти помолиться,
оставляя на паперти медь.

Постоять на мосточке горбатым,
нависая над темной водой,
назначая себя виноватым,
головою качая седой.

И судьбу искушая — не бойся! —
перейти через мост и назад,
словно это не Яуза вовсе,
а как минимум древний Евфрат.

Словно берег один от другого,
эту жизнь от безоблачной той
отчеркнули неровно свинцовой
маслянистой, тягучей чертой.

Словно кущи Эдемского сада,
а не клумбы в усталом цвету
берег тот украшают, и надо
пересечь — не боишься? — черту,

Вавилон покидая булыжный,
медяки зажимая в горсти,
этот мост над рекой неподвижной,
никуда не спеша, перейти.

Чайки, ослики, поэты

Такое хорошее долгое лето,
стихами согрето, скрипит половицей,
с июня до августа длится и длится,
и ходит по дому, и ходит по свету.

Пристроимся следом — оставим постели,
насиженные табуретки на кухне,
уедем туда, где луна не потухнет
к полудню, где мы будем жить, как хотели:

на волнах качаться, как чайки, как чайки
друзей окликать, проплывающих мимо,
и пить с ними вина любимого Крыма,
а после об этом рассказывать байки.

Не кончится лето ни завтра, ни после,
и осень на море пловцов не догонит,
прикормленных птиц не прогонит с ладони,
а в горы поднимется солнечный ослик.

Пристроимся следом, без всякой поклажи,
упрямо преследуя долгое лето,
не то, чтобы ослики, просто поэты —
прекрасны, беспечны и счастливы даже.

День в сентябре

День в сентябре не терпит пустоты.
Когда ещё терять с таким упорством,
как будто ясьень — ты, и липа — ты,
и на ветру стоишь простоволосой.

Не жалко облетевшего ничуть,
последний лист сорвёшь с себя, не охнув.
Когда ещё из всей палитры чувств
ты выберешь решительную охру.

Бумага рисовальная, гуашь,
растрепанные кисточки рябины
и тополя высокий карандаш —
чего ещё для полноты картины?

Ворона на линейке проводов
накаркает тебе, что будет дальше.
День в сентябре не терпит пустяков,
и вымученной жалости, и фальши.

О главном

Когда ты проснешься, посмотришь в окно,
где ветки качаются плавно,
подумаешь: главное — быть заодно
во всем, что считается главным.

Во всем, без чего ни тебя, ни меня
оставить нельзя и представить,
а все остальное — такая фигня,
такая безделица, да ведь?

И снежные выдохи ветра в апрель,
и в спинах застрявшие взгляды...
Овец собирает пастушья свирель
в пушистое облачье стадо.

Бегут облака, раздувая бока,
кудрявые и кучевые,
и смотрят в окошко твое свысока,
как будто бы видят впервые.

А ты, вознесясь на свои этажи,
где птицы залетные редки,
держи меня за руку, крепко держи.
пока я качаюсь на ветке.

* * *

Выбираясь за пределы МКАДа,
выбирай любую из сторон:
вон, Париж каштаны жарит рядом
и в тумане виден Альбион.

До Стамбула ближе и дешевле,
чем обратно ехать на Арбат.
Эти кольца как круги мишени,
и когда ты выстрелишь за МКАД,

тут же поплывешь в молочных реках
вдоль чужих кисельных берегов.
Может, попадешь к веселым грекам
на один из южных островов,

или, может, вынырнешь восточней,
где-нибудь на пляже Фукуок
будешь вымывать водой проточной
из волос серебряный песок.

Добирайся до аэропорта
— самолет быстрее, чем трамвай —
и страну, где не был до сих пор ты,
словно Марко Поло открывай.

Из последней страсти снегопада,
из его подтаявших оков
выбирайся за пределы МКАДа
и лети за тридевять кругов.

На вилле Фарнезина

А сначала от храма к храму, от бога к богу,
выбираешь по росту яму, по дню дорогу,
примеряешь обновки — славу, надежду, веру,
на ногах переносишь пыль веков и холеру.

Привыкаешь к вину, к названию «Фарнезина»,
мимоходом в витрине модного магазина
знаешь плебея, патриция и туриста,
и сдаешься в кафе на милость жреца-бариста.

К ночи знаешь: a destra — вправо, diretto — прямо,
чёрный — кофе (и он же — горький), а белый — мрамор,
«Фарнезину» построил сам Бальдассар Перуцци,
а за всем остальным придется еще вернуться.

Судаки, сороки, бобры

После долгой разлуки в четыре дня
рассмотри меня, расспроси меня,
как сорока с выводком сорочат
по утрам под окном кричат,
как бобры широким хвостом шуршат
в сухостое из камыша,
как черемуха вечером хороша —
любоваться, но не дышать,
как по дну подлодкой идет судак
и качает воду туда-сюда,
и меняет плотность и цвет вода
и становится как слюда.

Я смотрела в воду четыре дня,
так, что стали цвет и глаза менять —
то ли цвет земли, то ли цвет огня,
то ли цвет речной у меня.
И река одна не меняет цвет,
растворяет себя в траве,
зарастает илом и камышом,
где бобры шевелят хвостом.
Тишина до времени, до поры,
слышен хруст растрескавшейся коры,
и летят, плывут, шелестят, шустры,
судаки, сороки, бобры.